

Н. П. Палецких
**НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
 ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-135-141

УДК 94(470.5)“1941/1945”

ББК 63.3(235.55)622

В статье впервые в региональной историографии исследуются процессы социальной мобильности населения Урала в период Великой Отечественной войны. Рассмотрены отдельные практики партийно-государственного контроля над социальным пространством и индивидуальные импульсы социальных перемещений. На конкретно-историческом материале, относящемся к различным социальным группам, прослежены горизонтальный и вертикальный (спад, подъем) параметры социальной мобильности. Охарактеризованы основные тенденции социальной динамики на Урале — усиление исхода крестьян из деревни, появление новых социальных групп, ротация управленческих слоев. Источниковую базу исследования составили документы, выявленные в уральских архивах; сведения, опубликованные в научной литературе; эго-материалы, в том числе дневниковые записи Б. С. Катаева, работавшего зам. председателя Челябинской областной плановой комиссии. Теоретической основой работы послужили социологические концепции П. А. Сорокина, Э. Гидденса, отдельные положения теории антропологии движения, гипотеза о мобилизационном характере советского общества периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *социальное пространство, социальная мобильность, Урал, Великая Отечественная война*

В историографии Великой Отечественной войны есть немало работ, где рассматривались проблемы социальной мобильности тылового населения, отдельные аспекты социальной стратификации без использования соответствующих научных категорий. Первым крупным исследованием, в котором обнаруживается обращение к критериям социальной дифференциации и к формированию иерархии социальных статусов в уральском социуме, явилась диссертация В. В. Соловьевой.¹ В нашей статье предпринимается попытка, опираясь на теоретические достижения социологии, антропологии, исторической науки, кратко рассмотреть основные импульсы, параметры и тенденции социальной мобильности населения Урала в условиях Великой Отечественной войны.

Методологически значимым для изучения темы представляется утверждение П. А. Сорокина: «Абсолютно неподвижное общество есть миф, никогда не реализованный в истории».²

¹ Соловьева В. В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 23, 24.

² Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 379.

Палецких Надежда Петровна — д.и.н., зав. сектором «От великих потрясений к Великой Победе» отдела «Россия — моя история», Государственный исторический музей Южного Урала (г. Челябинск)
 E-mail: palenad@mail.ru

Атрибутом любого человеческого сообщества является трансформация социального пространства.³ Этот непрерывный процесс разворачивается как целостное движение, обладающее балансом традиций и новаций, а по выражению А. В. Головнёва, «корней» и «путей», служащих символами социальной статики и динамики.⁴ В трудах П. А. Сорокина под социальной мобильностью понимается перемещение людей внутри многомерного социального пространства из одной позиции в другую. Индивидуальная и групповая социальная мобильность имеют горизонтальный и вертикальный параметры.

Великая Отечественная война вызвала массовые передвижения разных слоев и групп населения, когда менялось не только их место жительства, но и общественные функции и социальный статус. Урал в силу своего геополитического и геоэкономического положения с первых дней войны превращался в «опорный край державы», что придавало процессам социальной мобильности особые масштабы, динамизм и подконтрольность.

Хронологически первой волной массовых социальных перемещений явился уход на фронт

³ О разнообразии подходов к категории «социальное пространство» см., напр.: Чернявская О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. 2008. № 5. С. 329–335.

⁴ Головнёв А. В. Дорожная карта антропологии движения // Урал. ист. вестн. 2012. № 2 (35). С. 6.

военнообязанных по мобилизации и добровольцев. Вчерашние школьники, колхозники, рабочие, служащие вливались в ряды фронтовиков. Нет никаких сомнений в подлинности патриотической мотивации широкого добровольчества первых недель войны, когда фашистская агрессия истолковывалась как провокация. В заявлениях добровольцев сквозит не просто реакция на случившееся, а осознанное намерение немедленно попасть на фронт, чтобы сражаться с врагом. Поток заявлений был настолько велик, что власти вынуждены были ограничивать добровольчество. Добровольный уход на фронт продолжался и в последующие годы. Но по мере того, как война затягивалась, диапазон мотивов и интенций расширялся. К примеру, в мае 1943 г. на заседании партбюро Шадринского металлзавода рабочий Ч., имевший бронь от призыва и трижды подававший в военкомат заявления о зачислении добровольцем, так объяснял свои действия: «Низкий заработок не позволяет мне содержать семью, наоборот, еще семья, отрывая от себя, помогает мне. Желая обеспечить положение семьи, решил уйти на службу в Красную Армию».⁵ Практика бронирования от призыва в армию и частичной демобилизации квалифицированных работников в ходе войны относилась к мерам контроля над социальным пространством.

В связи с необходимостью пополнения совокупного трудового потенциала Урала нарастала интенсивность как горизонтальной, так и вертикальной мобильности, происходившей под воздействием общегосударственных установок и индивидуальных импульсов. Добровольный приход на производство домохозяек, подростков, пожилых людей на замену ушедших мужчин вызывался как патриотическими побуждениями, так и материально-бытовыми соображениями. Движение добровольцев могло менять их социальный статус в случае освоения профессии и приобретения квалификации, но чаще всего означало первичную или вторичную социализацию, приобщение к решению оборонных задач. Социальные траектории при этом могли выстраиваться по-разному. Приведем отрывок из рассказа А. М. Евдокимова: «Я работал грабарем, когда осенью 1942 г. судьба свела меня с Ю., будущим главным энергетиком рудоуправления. Он подозвал меня к себе и спросил: “Паренек, будешь со мной электриком

работать?” <...> Так мы с ним стали двумя первыми электриками в рудоуправлении, он — уже грамотный специалист, и я — еще совсем бестолковый помощник».⁶ Вовлечение женщин, подростков, стариков в колхозное производство не вело к вертикальным сдвигам в их социальных позициях.

Рычагом кадрового насыщения тыловой экономики стали широкомасштабные трудовые мобилизации 1941–1942 гг. Их главным признаком было установление «непосредственной юридической обязанности работать на указанных органами государства участках».⁷ Мобилизационный механизм маневрирования трудовыми ресурсами начал складываться до войны. 19 октября 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие». Тем самым была предопределена важная часть горизонтального вектора социальной мобильности в условиях грядущей войны. 23 июля 1941 г. в порядке реализации данного указа СНК СССР издал постановление «О предоставлении Совнаркомам республик и край(обл) исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу» независимо от ведомственной и территориальной принадлежности предприятий, но с учетом специальности и квалификации работников. За отказ работника от перевода предусматривалась уголовная ответственность как за самовольный уход.⁸

Мобилизационный механизм трудовой политики обеспечивал сочетание горизонтального и вертикального параметров социального движения населения. Важным объектом принудительного перемещения на временную или на постоянную работу в приоритетную для Урала индустриальную сферу выступало крестьянство.⁹ Далеко не все из мобилизованных в промышленность, строительство, на транспорт, в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища

⁶ Овчинникова З. А. Ратный и трудовой вклад жителей Увельского района в победу в Великой Отечественной войне // Гороховские чтения: материалы VI регион. музейной конф. Челябинск, 2015. С. 229.

⁷ Давидович Я. И. Советское трудовое право и Великая Отечественная война // Учен. зап. ЛГУ. Сер. юридических наук. Л., 1948. Вып. 1. С. 262.

⁸ См.: Сборник важнейших законов и постановлений по заработной плате. М., 1945. С. 63, 64, 72.

⁹ Подробнее об этом см.: Корнилов Г. Е. Уральское село и война (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993.

возвращались в деревню. Получив паспорта, они закреплялись в статусе городских рабочих, что в тех условиях означало продвижение по ступеням социальной иерархии. Ситуация с рабочей силой в уральской деревне принимала катастрофический характер, и поэтому постановлением ГКО от 4 мая 1944 г. мобилизация колхозников в Свердловской, Молотовской, Челябинской, Курганской областях для постоянной работы в промышленности и строительстве была прекращена.¹⁰

Наряду с крестьянством, объектом трудовой мобилизации становилось незанятое в промышленности и строительстве городское население; военнообязанные, негодные к строевой службе по состоянию здоровья или по морально-политическим основаниям, но годные к физическому труду; советские немцы обоего пола. Для представителей этих групп перемещение в географическом пространстве одновременно оказывалось, пусть и временной, но нисходящей социальной мобильностью. Сложность и неоднозначность этого канала социального передвижения можно проиллюстрировать на примере специалистов сельского хозяйства. Вследствие того что в первые годы войны на них не распространялось бронирование от призыва в армию, многие, будучи призванными военкоматами, оказались занятыми неквалифицированным физическим трудом в рабочих колоннах и строительных батальонах. В связи с тем, что ситуация со специалистами в сельском хозяйстве Урала к весне 1942 г. требовала срочного вмешательства, по распоряжению секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева местные власти приняли меры к выявлению и откомандированию в распоряжение земельных органов представителей этой социальной группы. Однако процесс возврата специалистов был прерван, так как в 1942 г. военизированная трудовая армия была передана из ведения НКВД под начало промышленных наркоматов, вследствие чего бойцы-трудармейцы перешли в статус мобилизованных промышленных рабочих. В январе–феврале 1944 г. на заседаниях бюро уральских обкомов партии обсуждался вопрос «Об укреплении МТС, колхозов и райзо специалистами сельского хозяйства» в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 10 января 1944 г.¹¹ На основании принятых ими решений в 1944 г., по

неполным данным, на Урале (без Башкирии) было выявлено 1002 специалиста сельского хозяйства, которые использовались не по специальности на предприятиях разных ведомств. Из них удалось вернуть в сельское хозяйство 427 человек.¹² Промышленные наркоматы не спешили санкционировать освобождение этих работников, а администрация предприятий задерживала их из-за того, что они стали квалифицированными рабочими или же были заняты в подсобных хозяйствах по прежней специальности.

Особый, лагерный, вид трудов армии, связанный с явным понижением социальной мобильности, был распространен на советских немцев. На Урале крупные трудовые лагеря располагались в Соликамске, Молотове, Уфе, Ивделе, Нижнем Тагиле, Краснотурьинске, Челябинске, Копейске, Орске. На основе анализа учетных карточек трудов армейцев Тагиллага и Богословлага С. Л. Разинков и А. А. Пермяков пришли к выводу о том, что мобилизация наиболее трудоспособной части немецкого населения в трудовую армию и установление позднее режима спецпоселения инициировали слом прежней структуры этого этноса, поскольку изменились все его характеристики: демографическая картина (увеличение количества смешанных браков, снижение рождаемости), образовательный уровень (искусственное регулирование динамики поступления в вузы и техникумы), районы расселения (локализация в местах депортации и пребывания в трудовой армии), профессиональная структура (переориентация на неквалифицированные и строительные специальности).¹³

Прикрепление мобилизованных к указанному государством локальному, ведомственному или профессиональному участку работы означало отсутствие договорных отношений (соглашения) между работником и работодателем, а также невозможность самовольно покинуть этот участок. В данной практике сочетались две взаимосвязанные тенденции регулирования экономического поля социального пространства — упорядочение

¹⁰ См.: Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953. М., 2016. С. 403.
¹¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 9. Л. 17; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 158. Л. 8; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 17. Л. 3; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 15. Л. 10; Д. 20. Л. 31.

¹² Подсчитано по: ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 290. Д. 5. Л. 34; Оп. 13. Д. 14. Л. 14; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 139. Л. 64–65; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 181. Л. 40–43, 130–131; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 517. Л. 32; ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 24. Д. 136. Л. 23; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 43. Л. 26.

¹³ См.: Разинков С. Л., Пермяков А. А. Социальный портрет трудомобилизованных // Gedenkbuch: «Книга памяти немецких трудов армейцев Богословлага. 1941–1946». Т. 1. М.; Нижний Тагил, 2008. С. 104, 105.

и канализация социальных потоков в нужном для воюющей страны направлении, предельное ограничение стихийной территориальной и отраслевой миграции населения. Непосредственными ограничителями выступали паспортная система, институт прописки, запрет на свободное передвижение по железным дорогам, розыск и наказание дезертиров с трудового фронта, дифференцированное статусное распределение продовольствия, отчетливо привязанное к предприятиям, и т. д. Этими же мерами тыловой социум почти без исключений предохранялся от маргинализации.

Говоря о государственной политике как о технологии контроля социальной мобильности, не следует абсолютизировать ее субъектность. В социологии имеется понятие «диалектика контроля в социальных системах», введенное Э. Гидденсом, который утверждал: «Власть в рамках социальных систем... предполагает некие регулярные отношения автономии и зависимости между акторами или коллективами в контексте социального взаимодействия. Однако все формы зависимости предполагают некоторые ресурсы, посредством которых те, кто подчинен, могут влиять на действия тех, кто подчиняет».¹⁴ В противоречие с мобилизационной практикой периода войны входила индивидуальная субъектность, выраженная, например, следующим образом: «Сяду за дезертирство на восемь лет, но из Стерлитамака уеду!»¹⁵ Несмотря на широкую административно-карательную практику, уровень «трудового дезертирства» на Урале был высоким. По подсчетам А. А. Антуфьева, в 1941–1944 гг. с уральских предприятий ежегодно сбегало 100–150 тыс. человек.¹⁶ О масштабах дезертирства и прогулов и оформления по ним судебных дел можно судить на примере Кировского завода (Челябинск). Данные заводской статистики показывают, что всплеск репрессивных мер пришелся на 1942 г., когда количество дел, переданных в суд за указанные нарушения трудовой дисциплины, составило 15 825, или 38 % от среднесписочного состава работников по основному производству (41 560 человек), против 14,7 % в 1941 г. В 1943 г. зафиксировано снижение этого показателя до 30,8 %, в 1944 г. — до

27,7%.¹⁷ В числе дезертиров преобладали подростки и молодежь.

Стихийное перераспределение рабочей силы между отраслями, предприятиями, территориями «амортизировало» на местном уровне издержки мобилизационного подхода и, на наш взгляд, заставило (наряду с общим изменением военно-стратегической обстановки и с насыщением уральской промышленности неквалифицированной рабочей силой) центральные власти со второй половины 1943 г. ослабить мобилизационный нажим. Общегражданские мобилизации горожан стали уступать место вольному найму. Если в 1942 г. на работу в промышленность, строительство и на транспорт в Молотовской области было привлечено 103,2 тыс. человек, в том числе по общегражданским мобилизациям 29,9 тыс., передано военкоматами 54,9 тыс., то в 1943 г. — соответственно 61,6 тыс., 14,6 тыс., 15,9 тыс.¹⁸ 30 декабря 1944 г. вышел указ ПВС СССР «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия».¹⁹

Специфическими социальными группами, сформировавшимися в условиях войны и занявшими заметное место в структуре уральского социума, стали эвакуированные и инвалиды войны. При всем разнообразии их внутреннего состава эти группы относились к приоритетным объектам адресной социальной помощи.

В 1941–1942 гг., по подсчетам Г. Е. Корнилова, Урал принял четвертую часть всех эвакуированных в РСФСР. Максимальное количество эвакуированных, размещенных в регионе, пришлось на апрель 1942 г.: оно достигало 1,6 млн человек.²⁰ Подробный анализ приема и обустройства эвакуантов на Урале, проведенный М. Н. Потемкиной,²¹ избавляет нас от необходимости освещения этого сюжета и позволяет сосредоточиться на особенностях социальных трансформаций данной группы. Почти для всех приезжих территориальное перемещение было сопряжено с ухудшением

¹⁴ Цит. по: Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 52.

¹⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 20. Л. 45.

¹⁶ См.: Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 262.

¹⁷ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. 792. Оп. 5. Д. 642. Л. 21, 38, 39; Д. 659. Л. 2, 10, 21, 22; Д. 671. Л. 5; Д. 672. Л. 16, 17; Д. 684. Л. 4, 14, 18–19.

¹⁸ Подсчитано по: ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 301. Л. 5–9.

¹⁹ Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1944 г. Л., 1945. С. 172.

²⁰ См.: Корнилов Г. Е. Указ. соч. С. 98, 99; Он же. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Урал. ист. вестн. 2015. № 4 (49). С. 117.

²¹ См.: Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002.

материально-бытового положения, а для многих трудоспособных — и с понижением их социального статуса. Адаптация к местным условиям проходила тяжело. Претензии на привилегированные позиции в социальном пространстве («Какое имеете право заставлять меня работать? Я была участником правительственного банкета!»²²) жестко корректировались суровыми реалиями тыловой повседневности и вполне оправданными требованиями властей. Первый секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Н. И. Гусаров в октябре 1941 г. заметил на пленуме обкома: «Многие наши партийные работники плачутся от кукол с длинными ногтями и накрашенных барынь. Плакаться можно, но надо заставить их работать».²³

Значительная часть эвакуированных на Урал (женщины с детьми, престарелые) была поселена в сельской местности: к концу 1941 г. — 43,6 %, в 1942 г. — 48,3 %, в 1943 г. — 52,1 %.²⁴ Местные жители относились к прибывшим как к людям пострадавшим и нуждавшимся в помощи. Но были и проявления открытой враждебности к чужакам, «нахлебникам». Б. С. Катаев в сентябре 1941 г. записал в дневнике: «Причины таких ненормальных взаимоотношений кроются в том, что эвакуировались из городов прифронтовой полосы люди, почти не имеющие понятия о физическом труде и, естественно, весьма неохотно идущие работать в наши колхозы. То, что у многих из них есть порядочные деньги (в пределах нескольких десятков тысяч рублей), с одной стороны, позволяет им гулять безработными, ожидая лучших времен и более подходящей работы, а с другой стороны, дает им возможность скупать лучшие товары в магазинах».²⁵

На протяжении войны нарастали реэвакуационные настроения среди всех категорий эвакуированных. На их желание поскорее вернуться домой влияли известия от тех, кто уже выехал. Кунгурский горком сообщал в Молотовский обком партии в октябре 1944 г. о том, что в таких письмах пишется, что в Одессе, Киеве и других западных городах живется намного легче, чем на Урале, так как там больше продуктов и они гораздо дешевле. Такого рода сведения вызвали желание уехать и у коренных жителей.²⁶

Процесс реэвакуации был взят под контроль. Главной линией, которая выдерживалась всеми структурами власти, стало закрепление эвакуированных рабочих на уральских предприятиях. Отдел по хозяйству эвакуированного населения Челябинского облисполкома в феврале 1945 г. направил на места типовое письмо, где подчеркнул, что большинство рабочих должны быть оставлены на постоянное жительство по месту работы. К началу 1946 г. в этой области (без Челябинска) еще оставалось 43 843 эвакуированных, а на Урале в целом — 259,6 тыс.²⁷

Новой социальной группой стали также инвалиды Великой Отечественной войны. На Урале она разрасталась как за счет местных уроженцев, так и за счет раненых, выписывавшихся из эвакогоспиталей. Инвалиды войны активно включались в решение оборонных задач, но нуждались во всесторонней помощи. Встречающиеся в литературе сведения о пенсионировании бывших фронтовиков сопровождаются подчеркиванием крупных государственных затрат на эти цели. Между тем уровень пенсий был низким. Размеры пенсий рядовым военнослужащим устанавливались в зависимости от занятий и заработка человека до воинской службы. Бывшие рабочие и служащие, имевшие среднемесячную зарплату до 400 руб. и ставшие инвалидами I группы, получали 100 % прежней зарплаты, инвалиды II группы — 75 %, инвалиды III группы — 50 %; не работавшие до службы в качестве рабочих и служащих — соответственно 150, 120, 90 руб. в месяц, а проживавшие до службы в сельской местности и связанные с сельским хозяйством — 120, 96, 72 руб. в месяц.²⁸ Пенсия на 25 % выше полагалась инвалидам младшего начсостава; на 50 % выше — инвалидам, награжденным Орденом Славы трех степеней.

Прожить на такие пенсии было трудно. Задача социальной реабилитации инвалидов II и III групп решалась через трудовое обучение и трудоустройство, что обеспечивало лишь низкую ступень в трудовой иерархии и соответствующие этому доходы.²⁹ Надо добавить, что и само признание инвалидности фронтовиков было затруднено. По выражению Беате

²² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 276. Л. 20.

²³ ПермГИАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 11. Л. 19.

²⁴ См.: Корнилов Г. Е. Уральское село и война... С. 100, 101.

²⁵ Катаев Б. С. Повседневность и война. Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. СПб., 2016. С. 67, 68.

²⁶ ПермГИАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 252. Л. 254.

²⁷ ОГАЧО. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 165. Л. 231; Д. 194. Л. 1; Корнилов Г. Е. Уральское село и война... С. 99.

²⁸ Рассчитано по: Трудовое законодательство военного времени. М., 1943. С. 147–151.

²⁹ Подробнее об этом см.: Палецких Н. П. Социальная помощь инвалидам Великой Отечественной войны на Урале в 1941–1945 гг. // Очерки истории горнозаводского Урала. Челябинск, 1996. С. 91–108.

Физелер, трехступенчатая инвалидность была «гибкой категорией».³⁰ В ходе войны инструкции, которыми руководствовались ВТЭК, ужесточались, назначения и переназначения II и III групп инвалидности директивно ограничивались, интервалы обязательного переосвидетельствования сокращались.

Вопросы психологической реабилитации фронтовиков начали ставиться врачами после войны. К примеру, профессор Смирнов, выступая на сессии Челябинского облсовета 11 июля 1945 г., пытался привлечь внимание депутатов к состоянию психиатрической помощи возвращающимся с войны больным с пограничными формами: «Эти лица находятся на границе между нервными и душевными болезнями <...> Вопрос этот чрезвычайной важности, и дело нашей врачебной чести — определить, куда пойдут эти лица — или в группу инвалидов, или станут полезными, продуктивными работниками общества. Это вопрос о десятках тысяч людей. Но мало того, мы должны помнить, что эти лица по характеру заболевания снизили свою трудоспособность и могут составлять кадры лиц, которые взрывают общественный порядок и идут по судебной линии».³¹

Изучение темы на материалах Урала дает основания утверждать, что бывшие фронтовики, ставшие инвалидами, за небольшим исключением, в годы войны столкнулись с узким социальным горизонтом жизненных перспектив, очутились на нижних ступенях социальной лестницы. Часть из них превратилась в социальных аутсайдеров.

Если группе инвалидов войны была присуща преимущественно нисходящая социальная мобильность, то в группе управленцев одинаково действовали как нисходящий, так и восходящий векторы. Нисходящий означал, как

правило, понижение в должности, переброску из крупного города на периферию, но порой был катастрофичным (исключение из партии, осуждение по статьям Уголовного кодекса, попадание в места заключения). Факторами восходящей мобильности служили рабоче-крестьянское происхождение, отсутствие «социально чуждых» элементов в близком окружении, коммунистическая идейность, деловые и профессиональные качества, исполнительность, авторитарный стиль управления.

Нельзя не согласиться с С. В. Воробьевым и А. В. Сушковым в том, что «война стала для многих региональных партийных руководителей своеобразным карьерным трамплином, предоставила им возможности для продвижения вверх на высокие партийные и государственные посты».³² В то же время надо заметить, что клиент-патронская практика отношений в среде номенклатуры не была изжита. В общей ротации кадров и назначениях на должности присутствовали мотивы близости, личной лояльности к руководителю. Приведем запись из дневника Б. С. Катаева: «А все-таки сколько еще негодных дел совершается. Вчера приняли на работу Г. Особые плановые таланты есть у нее? Ничего не известно <...> Ничего не сделаешь: сестра жены товарища Ф., сам С. за нее ходатайствует».³³

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны на Урале как в регионе с повышенной концентрацией оборонных предприятий наблюдалась динамичная социальная трансформация, представленная процессами горизонтальной и вертикальной мобильности, идущими под контролем государства. Так или иначе она охватывала все группы населения, формируя в конечном итоге устойчивое тыловое сообщество, солидарно нацеленное на достижение победы в войне.

Nadezhda P. Paletskikh

Doctor of Historical Sciences, State Historical Museum of the Southern Urals (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: palenad@mail.ru

POPULATION OF THE URAL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: PROBLEMS OF SOCIAL MOBILITY

For the first time in the regional historiography the article studies the processes of social mobility of the Ural population during the Great Patriotic War period. The author studied the specific practices of the communist party and the state control over the social space and the individual social mobility impulses. Using the specific historical documents relating to various social groups the author traced the horizontal

³⁰ Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41). С. 291.

³¹ Летопись Челябинской области: сб. документов и материалов. Челябинск, 2008. Т. 3: 1941–1945. С. 459.

³² Воробьев С. В., Сушков А. В. Партийная номенклатура Урала в годы войны: стиль управления и карьерные пути // Маршал Победы в военной истории России. X урал. воен.-ист. чтения, посвящ. 120-летию великого полководца, Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Екатеринбург, 2016. С. 188.

³³ Катаев Б. С. Указ. соч. С. 10, 11.

and the vertical (rises and declines) parameters of the social mobility phenomenon. The article characterized major trends of the social dynamics in the Ural — accelerated migration of the farmers from the rural areas, the emergence of the new social groups, the rotation within the administrative groups. The study was based on the documents from the Ural's archives; the data published in the academic literature; the ego-materials including the personal diaries of B. S. Katajev, the then Deputy Chairman of the Chelyabinsk Regional Planning Commission. The theoretical foundation of the study was based on the sociological concepts of P. A. Sorokin, E. Giddens, certain concepts of the anthropology of movement theory, a hypothesis of the mobilization nature of the Soviet society during the Great Patriotic War period.

Key words: *social space, social mobility, Ural, the Great Patriotic War*

REFERENCES

- Antufyev A. A. *Ural'skaya promyshlennost' nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1992, 337 p. (in Russ.).
- Chernyavskaya O. S. [Social space: a review of theoretical interpretations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Sociology. Psychology. Philosophy], 2008, no. 5, pp. 329–335. (in Russ.).
- Davidovich Ya. I. [Soviet Labor Law and the Great Patriotic War]. *Uchenyye zapiski LGU. Seriya yuridicheskikh nauk* [Scientific Notes of Leningrad State University. Series of jurisprudence]. Leningrad: LGU Publ., 1948, vol. 1, pp. 252–277. (in Russ.).
- Fizeler B. ["Beggars Winners": invalids of the Great Patriotic War in the Soviet Union]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Immunity Reserve. Debate about politics and culture], 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 290–297. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [A roadmap of the anthropology of movement]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2012, no. 2 (35), pp. 4–13. (in Russ.).
- Kataev B. S. *Povsednevnost' i voyna. Chelyabinskiy dnevnik 1941, 1943, 1944* [Everyday and war. Chelyabinsk Diary 1941, 1943, 1944]. Saint Petersburg: ID "PervoGrad" Publ., 2016, 312 p. (in Russ.).
- Kolkhoznaya zhizn' na Urale. 1935–1953* [Collective farm life in the Urals. 1935–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2016, 912 p. (in Russ.).
- Kornilov G. E. [Evacuation of the population to the Urals during the Great Patriotic War]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2015, no. 4 (49), pp. 112–121. (in Russ.).
- Kornilov G. E. *Ural'skoye selo i voyna (Problemy demograficheskogo razvitiya)* [Ural village and war (Problems of demographic development)]. Ekaterinburg: Uralagropress Publ., 1993, 173 p. (in Russ.).
- Ovchinnikova Z. A. [Ratny and the labor contribution of the residents of the Uvelsky district to the victory in the Great Patriotic War]. *Gorokhovskiy chteniya: materialy shestoy regional'noy muzeynoy konferentsii* [Gorokhov readings: materials of the 6th regional museum conf.]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local Lore Publ., 2015, pp. 227–230. (in Russ.).
- Paletskih N. P. [Social assistance to invalids of the Great Patriotic War in the Urals in 1941–1945]. *Ocherki istorii gornozavodskogo Urala: Mezhdvuzov. sbornik nauch. trudov* [Essays on the history of mining Ural: Interunivers. collection of scien. papers]. Chelyabinsk: ChGU Publ., 1996, pp. 91–108. (in Russ.).
- Potemkina M. N. *Evakuatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na Urale: lyudi i sud'by* [Evacuation during the Great Patriotic War in the Urals: people and destinies]. Magnitogorsk: MaGU Publ., 2002, 265 p. (in Russ.).
- Razinkov S. L., Permyakov A. A. [Social Portrait of Labor-Mobilized]. *Gedenkbuch: "Kniga pamyati nemtsev-trudarmeytsev Bogoslovlaga. 1941–1946"* [Gedenkbuch: "Book of memory of German labor army men of Bogoslovlaga. 1941–1946"]. Moscow: RND; Nizhniy Tagil: NTGSPA, 2008, vol. 1, pp. 87–106. (in Russ.).
- Solovyova V. V. *Bytovyye usloviya personala promyshlennykh predpriyatiy Urala v 1941–1945 gg.: gosudarstvennaya politika i strategii adaptatsii*: avtoref. kand. diss. [Domestic Conditions of the Personnel of Industrial Enterprises of the Urals in 1941–1945: State Policy and Adaptation Strategies: Abst. Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 2011, 29 p. (in Russ.).
- Sorokin P. A. [Social stratification and mobility]. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat Publ., 1992, pp. 295–424. (in Russ.).
- Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'yo, Giddens, Habermas: Ucheb. posobiye* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas: Tutorial.]. Novosibirsk: NGU Publ., 1995, 120 p. (in Russ.).
- Vorobyov S. V., Sushkov A. V. [The Urals Party Nomenclature during the War: management style and career paths]. *Marshal Pobedy v voyennoy istorii Rossii. Desyatyye ural'skiye voyenno-istoricheskiye chteniya, posvyashchennyye 120-letiyu velikogo polkovodtsa, Marshala Sovetskogo Soyuza G. K. Zhukova* [Marshal of Victory in the Russian military history. The 10th Ural military historical readings dedicated to the 120th anniversary of the great commander, Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2016, pp. 188–195. (in Russ.).